

Глава 7. Это и называется «есть мягкий рис»

—

— Ой-ой, гляньте, какой Мань гер грозный. Мы же теперь односельчане, услышали о радостном событии, проходили мимо и решили хоть глазком взглянуть. Чтобы потом, когда встретимся, хоть знать, с кем здороваться.

— И то верно, чего его прятать-то? Позови, пусть народ посмотрит.

Цинь Сяомань стоял у ворот, и ему было плевать на их сладкие речи:

— Это вам не цирковое представление с обезьянкой, на что тут смотреть? У вас, тетушки, дома своих мужиков мало, что ли? Зачем в чужой дом бежать на чужих смотреть? Не боитесь, что ваши мужья рассердятся?

Женщины, пришедшие поглазеть, сразу помрачнели. Все знали, что Цинь Сяомань за словом в карман не лезет и пощады не дает:

— Глядите, как этот Мань гер его охраняет. Видать, и впрямь – как замуж собрался, так сразу другим стал.

Цинь Сяомань отрезал:

— Конечно, другим. Своя семья – дело иное.

Женщина, державшая в руках зеленый лук, спросила:

— Он действительно калека? Как же ты на хромого-то позарился? Не в обиду скажу, но даже тот старый гер из соседней деревни нашел себе мужа с целыми руками и ногами. А ты-то всяко завидней него будешь.

Цинь Сяомань ответил:

— Какой еще калека? Просто нога ранена, позовем лекаря и вылечим.

— Это еще и лекаря ему звать! Кости да жилы лечить – денег не оберешься! Разве это не пустая трата денег?

Цинь Сяоманю надоело это слушать. Он упер руки в бока и сказал:

— Потратить пару монет на лечение – это у вас «пустая трата денег»? А когда вы своих дочерей да геров замуж выдаете и даете за ними по несколько тысяч вэней приданого – это не «пустая трата денег», что ли?

— Эй! Ну и дерзкий же ты гер!

Сяомань не собирался препираться с бабами дальше:

— Холодно на улице, вы, тетушки, небось еще и не завтракали. Пойду и я готовить, не буду вас задерживать, а то и сами без завтрака останетесь.

Видя, что он уходит, одна женщина быстро спросила:

— Так когда свадьба-то?

Цинь Сяомань бросил через плечо:

— Когда время придет, обязательно вас позовем.

Он смотрел им вслед, пока они не скрылись, и только тогда его лицо утратило воинственное выражение. Он вздохнул. Деревенские бабы любят посудачить, он-то к этому привык и может заткнуть любую, не заботясь о приличиях. Но он не знал, выдержит ли Ду Хэн, привыкший к жизни господина, такие пересуды.

А вторая тетка и впрямь расстаралась: только вчера всё случилось, а сегодня уже полдеревни знает.

— Я вернулся!

Едва войдя во двор, Сяомань увидел Ду Хэна, стоявшего у дверей кухни. Казалось, тот специально ждал его, услышав голос. Сяомань быстро подошел, снял соломенную шляпу и повесил ее на стену:

— Ты так рано встал?

Ду Хэн кивнул.

— Тебя крики снаружи разбудили?

— Нет, я уже встал, когда они пришли. Думал, не выйти ли поздороваться, но тут как раз ты вернулся.

Сяомань зашел на кухню:

— И впредь их не слушай. Это всё от безделья, дурная привычка.

— Хорошо.

Услышав ответ, Сяомань невольно взглянул на него. У него самого характер был властный: и с родней, и с соседями он всегда только переругивался. Редко кто вот так сразу соглашался с его словами. Он подумал: «А этот парень и впрямь послушный».

— Я с утра ходил к лекарю Цзю, но его вчера вызвали к больному. Вернется только через два дня. Так что придется подождать с твоей ногой.

Ду Хэн посмотрел на свою ногу:

— Ничего, пара дней роли не играет. Если не мерзну, она почти не болит.

— Тогда давай завтракать.

Сяомань сварил на пару четыре батата. В сезон батата все привыкли есть его: сытно и дешево, куда выгоднее зерна. Рис и пшеницу нужно оставлять на налоги или продавать, на еду себе остается немного, так что без экономии не обойтись. Среди клубней лежало и одно куриное яйцо.

Завтрак был простым. Они уселись на широкую скамью прямо у очага - там было теплее.

Сяомань достал тарелку солений к батату, постучал яйцом о край стола и, очищая скорлупу, наставлял:

— Мне сейчас нужно уйти в горы, вернусь, скорее всего, только после полудня. Со вчерашнего дня осталась миска риса, я оставлю её в котле в тепле, пообедаешь сам.

— Зачем в горы? За дровами?

— В такую погоду дрова не рубят. В бамбуковой роще на общинной горе пошли зимние побеги, пойду попытаю удачу, — пояснил Сяомань. — Заодно загляну на нашу гору, проверю, не копают ли кто там побеги и не рубит ли лес без спроса.

Ду Хэн кивнул:

— Хорошо. Я пойду с тобой.

— Ты-то зачем?!

— Как зачем? Помогать по хозяйству.

Сяомань отрезал:

— Пока ты со своей ногой на гору взберешься, день кончится. В дождь дорога скользкая, если еще пару раз грохнешься – хлопот не оберешься.

Ду Хэн нахмурился:

— И что же мне делать?

— Дома сиди.

— И чем мне дома заниматься?

— Да нечем особо. В такой холод подбрось углей в жаровню, иди в комнату и поспи. Не успеешь оглянуться – уже полдень. Встанешь, поешь и снова ложись. Я скоро вернусь и приготовлю ужин.

Сказав это, Сяомань протянул ему очищенное яйцо:

— Ешь.

Ду Хэн посмотрел на него. Сяомань говорил совершенно серьезно, не шутил. И тут до Ду Хэна дошло:

— Ты имеешь в виду, что я не буду ничего делать и буду просто «есть мягкий рис»*?

[*«Есть мягкий рис» (□□□) — китайская метафора, означающая «жить за счет женщины/партнера», быть нахлебником.]

— Ну и что, что «есть мягкий рис»? Я же не дам тебе с голоду помереть!

Ду Хэн был потрясен. Он и подумать не мог, что в один прекрасный день жизнь, о которой мечтают многие в его мире, – ничего не делать и быть на содержании – свалится ему на голову.

Сяомань, видя, что тот молчит и не берет яйцо, подумал, что задел его мужское самолюбие. Он смягчил тон:

— Не бойся, я никому не скажу, никто не узнает. Ешь скорее, яйцо остынет.

Ду Хэн с непередаваемым выражением лица смотрел на этого подростка, который был на несколько лет младше него и так серьезно пытался его утешить. Он прикрыл лицо ладонью.

Это было... до чертиков стыдно!

— Ну... если тебе уж совсем немоготу без дела сидеть, подмети двор, идет?

Сначала Сяомань и впрямь хотел найти кого-то работающего, кто бы взял на себя дела. Но теперь он уже принял этого утонченного Ду Хэна. Помня, что тот был молодым господином и умеет читать-писать (а в деревнях грамотных людей уважали), Сяомань и не думал нагружать его тяжелой черной работой. Но почему-то это того только расстроило.

— Хорошо, — Ду Хэн убрал руку от лица и согласился.

Сяомань тут же сунул ему яйцо:

— Ешь.

— Тебе сейчас в горы идти работать, съешь ты.

— Я специально для тебя сварил. Ты слишком худой, надо поскорее поправиться, чтобы выглядеть получше.

Ду Хэн приподнял бровь, взял яйцо и разделил его пополам:

— Половину тебе, половину мне.

Сяомань посмотрел на протянутую половину яйца в длинных, изящных пальцах с четкими суставами и не стал отказываться. Он даже заулыбался, будто это Ду Хэн специально для него сварил это яйцо.

После завтрака Сяомань достал из золы два запеченных батата, один оставил Ду Хэну на обед, а затем, надев соломенный плащ и соломенную шляпу, взял корзину, взвалил на плечо мотыгу и вышел за порог.

Ду Хэн стоял у плетня и смотрел на размокшую тропинку. С каждым шагом Сяомань оставлял глубокий след в грязи. Под мелким дождем и холодным ветром его стройная фигура быстро скрылась в тумане.

Сяоманю было восемнадцать и горы обычно ниже мужчин. Хотя Сяомань был довольно высоким для среди своих сверстников, но когда он стоит рядом с Ду Хэном, он лишь немного выше его плеча.

Глядя, как совсем юный Цинь Сяомань в одиночку тащит на себе бремя жизни, Ду Хэн почувствовал горечь. А теперь он еще должен кормить такого бездельника, как он. Дело было не в ущемленной гордости, а в том, что он чувствовал себя тяжелой ношей на плечах человека, которому и так непросто.

В голове у Ду Хэна был беспорядок. Как он может в такой ситуации «есть мягкий рис»? Как

кусок в горло полезет? Он взял метлу и принялся подметать и без того чистый двор, раздумывая, как жить дальше.

В любом случае, нельзя просто лежать бревном.

Обойдя дом и двор, он стал искать хоть какое-то дело. В комнату Сяоманя заходить постеснялся, остальные помещения были в порядке, на кухне посуда вымыта, у стены аккуратно сложены дрова – даже колоть нечего.

Наконец, перед кухней он обнаружил навес, откуда доносилось громкое квохтанье. Ду Хэн смешал шкурки от бататов с отрубями и покормил кур. Затем зашел в загон к свинье. Там сидела свинья весом около ста цзиней и вылизывала почти пустую кормушку. Увидев человека, она начала требовательно хрюкать.

Ду Хэну и раньше приходилось сталкиваться со скотиной. Хоть он сам никогда не кормил их, но видел это так часто, что это было почти то же самое, что делать самому. Обычно свиней кормят трижды в день, но в нынешних условиях, скорее всего, кормили дважды. Сяомань покормил её рано утром, значит, второй раз нужно было покормить после полудня.

Ду Хэн сначала принес ведро воды и наполнил поилку. Вернувшись на кухню, он взял большой деревянный таз, достал из корзины охапки ботвы батата и принялся их мелко крошить... Наконец-то нашлось занятие.

После полудня, пообедав, Ду Хэн развел огонь и поставил вариться корм для свиньи. Глядя на серое небо и морось, он не мог точно определить время.

— Мань гер, открывай!

Ду Хэн услышал голос и вышел из кухни. Дождь к тому времени уже прекратился.

— Дядя.

Цинь Сюн, увидев Ду Хэна у ворот, невольно нахмурился:

— Сяоманя нет дома?

— Ушел в горы.

Цинь Сюн прошел во двор и направился к кухне. Он уже собирался отчитать Ду Хэна – мол, сидишь тут в тепле, прохлаждаешься, ведешь себя как баба или фулан, – но тут увидел кипящее в котле варево для свиньи.

Его брови дрогнули:

— Сяомань только что ушел?

Ду Хэн подставил дяде табурет:

— Ушел сразу после завтрака. У вас к нему дело?

Услышав, что Сяомань ушел давно, и увидев ярко горящий огонь в очаге, Цинь Сюн заметно смягчился, хоть и не сказал об этом вслух. Он протянул Ду Хэну кусок мяса:

— Велел ему прийти за мясом, так он и не явился.

Ду Хэн принял внушительный кусок свинины с ребрами, жирком и постным мясом – весом примерно в четыре-пять цзиней. Это был отличный отруб, что говорило о заботе Цинь Сюна о племяннике:

— Большое спасибо, дядя.

Вообще-то Цинь Сюн пришел сегодня поговорить о самом Ду Хэне. Он наведлся к двоюродному брату, который служил главным писарем в уездной управе, чтобы через его связи разузнать об уезде Цюян.

Повезло: местный уездный магистрат как раз получил списки беженцев из Цюяна для их оформления в уезде Луся, и среди них нашлись данные Ду Хэна. Всё совпало с его словами, и Цинь Сюн окончательно принял этого человека:

— Чего это ты «дядя» да «дядя», звучит непривычно. Называй меня, как сверстники Сяоманя в деревне, — вторым дядей Цинь.

— Хорошо, второй дядя.

Цинь Сюн оглянулся на него: «Этот парень действительно умеет действовать по ситуации».

—

<http://bllate.org/book/14888/1324388>